

великим князем, и вопреки старым историографическим представлениям мы можем в настоящее время с уверенностью утверждать, что первый важный акт этой деятельности — основание Волоколамского монастыря — был связан с прямым столкновением между Иосифом и великим князем. В послании (1479 г.) в Пафнутьев Боровский монастырь, недавно обнаруженный нами, Иосиф прямо указывает, что он оставил игуменство в Пафнутьевом монастыре из-за Ивана III: «Понеже видех есмь его на мя велми яростна, и ныне нечто на мене восполится да почнет мя волочити».⁴⁰ Иосиф перешел из Боровска, находившегося под великокняжеской властью, в Волок Ламский, принадлежавший одному из братьев Ивана, выступавшему как раз в это время против великого князя. Характерна также связь Иосифа в последующие годы с епископом Нифонтом Суздальским. Этот Нифонт — уже известное нам лицо: в 1478 г. он был игуменом Кириллова монастыря и вместе с Геронтием и князем Михаилом Андреевичем Верейским выступал против ростовского архиепископа и великого князя. В 1482 г. Нифонт стал архимандритом московского Симонова монастыря, а в 1484 г. — епископом суздальским. В качестве епископа суздальского Нифонт был одним из решительных врагов ереси, и в 1490—1494 гг., решившись обвинить в ереси преемника Геронтия — митрополита Зосиму, Иосиф Волоцкий обратился именно к Нифонту, называя его единственным защитником церкви от «скверных и пагубных ереси»: «Глава бо еси, и на тебе вси зримь».⁴¹ Сходной в общем была позиция и другого видного «обличителя» — архиепископа новгородского Геннадия.

Но несмотря на такие точки соприкосновения идеологии «обличителей» ереси существенно отличалась от идеологии их предшественника — Геронтия. Наиболее ясное указание на это отличие мы встречаем в памятнике начала XVI в. — в «Сказании о новоявившейся ереси» Иосифа Волоцкого, служащем предисловием к его «Просветителю». Резко осуждая Геронтия за недостаточно энергичную борьбу с еретиками в начале еретического движения, Иосиф объяснял такую пассивность митрополита тем, что Геронтий был «грубостью сдържим, или не радяше о сих (христовых овцах) или бояшеся дръжавнаго».⁴² Указание на страх перед «дръжавным» очень интересно, так как оно не только свидетельствует о покровительстве великого князя еретикам, но и о том, что в этом случае злейший враг Ивана III, Геронтий, оказывался в глазах «обличителей» слишком лояльным по отношению к великокняжеской власти. Но в чем выражалась «грубость» митрополита? Речь идет, конечно, о богословской необразованности Геронтия, о его неспособности вести сложные теоретические споры с вольнодумцами. Именно здесь лежал водораздел между Геронтием и «обличителями». Иосиф Санин еще до своего ухода из Пафнутьева монастыря (т. е. до 1479 г.) выступил с «Посланием о троице», носившим богословско-полемический характер и направленным фактически против ереси. Вся дальнейшая публицистическая деятельность волоцкого игумена была ознаменована неизменным интересом к теоретическим проблемам богословия. Значение богословского образования хорошо понимал и соратник Иосифа — Геннадий. Геннадий тщательно разыскивал и рассылал своим сподвижникам книги, которыми пользовались еретики; в 1499 г. при его дворе был собран и переписан первый русский текст Библии. О необходимости создания на Руси «училищ» для широкого распространения

⁴⁰ ГИМ, Синод. 997, лл. 1535 об.—1536.

⁴¹ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955, Прилож., стр. 428.

⁴² Там же, стр. 471.